

DOI 10.31489/2023L2/127-138

УДК 347.62

Т.Б. Жунусова*

Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан
(E-mail: is-is-iu-k@mail.ru)

Добровольность как «сквозной» принцип брачных отношений в Республике Казахстан (некоторые частно-правовые и публично-правовые аспекты)

В статье подвергнуты теоретическому анализу отдельные спорные аспекты законодательного обеспечения принципа добровольности брака в Казахстане, который исследуется в необходимой «триаде»: «добровольность заключения брака–добровольность пребывания в браке–добровольность прекращения брачных отношений». Явный акцент законодателя на добровольности исключительно как принципе заключения брака приводит к тому, что он значительно нивелируется в двух других проявлениях данной «триады». Автором проведен анализ нормативных положений брачно-семейного законодательства Республики Казахстан, других нормативно-правовых актов национального законодательства, а также сравнительно-правового исследования нормативного регулирования отдельных частных вопросов в странах ближнего зарубежья, на основе которого проиллюстрированы некоторые нарушения принципа добровольности в нормах отечественного брачно-семейного законодательства. Параллельно выявлены сохраняющиеся тенденции отечественного законодательства к наличию норм с выраженной гендерной асимметрией, не имеющей к настоящему времени объективного социально-правового обоснования. Аргументирован конфликтогенный потенциал сохраняющихся законодательных запретов в вопросах расторжения брака, не способствующих обеспечению принципов брачных отношений в Республике Казахстан, а также предложены варианты коррекции законодательных предписаний с целью его существенного снижения.

Ключевые слова: брачные отношения, добровольность, гендерная асимметрия, гендерная дискриминация, запрет на расторжение брака, конфликтогенность семейно-брачного законодательства.

Введение

По общему правилу, заключение и расторжение брака относятся к сферам добровольного решения лиц, вступающих в брак или принявших решение о его расторжении. Вместе с тем, при всей очевидности данного принципа, вопросы его соблюдения и обеспечения имеют значительное количество спорных аспектов, которые заслуживают детального рассмотрения, анализа и учета в нормативном регулировании. Конечно, в прежние исторические эпохи на территории практически всех современных государств существовали различные варианты регулирования семейных отношений, при которых имел место явный диспаритет в отношениях мужа и жены. В рамках настоящей статьи мы не ставим цель историко-правового анализа, а концентрируем внимание исключительно на современном положении дел. При этом примечательно, что фактически документами, которые впервые зафиксировали принцип равенства супругов были первые советские декреты от 18 и 19 декабря 1917 года [1, 2]. Именно данными документами закреплялось равноправие супругов в момент заключения брака, в период пребывания в брачных отношениях, а также при расторжении брака. Вместе с тем до настоя-

* Автор-корреспондент. E-mail: is-is-iu-k@mail.ru

щего времени некоторые вопросы, непосредственно касающиеся различных аспектов принципа равенства супругов, становятся предметом анализа и дискуссий. В частности, в этом ключе можно оценивать принцип добровольности в структуре брачных отношений. Фактически равенство должно предполагать и равную степень добровольности.

В Республике Казахстан провозглашается конституционный принцип защиты от дискриминационного неравенства по различным основаниям, в том числе по таким, как пол (ч. 2 ст. 14 Конституции РК) [3]. В соответствии с пп. 26 п. 1 ст. 26 Кодекса о браке (супружестве) и семье (далее — КоБС РК), «брак (супружество) — равноправный союз между мужчиной и женщиной, заключенный при свободном и полном согласии сторон в установленном законом Республики Казахстан порядке, с целью создания семьи, порождающий имущественные и личные неимущественные права и обязанности между супругами» [4]. При этом в ст. 2 данного Кодекса дополнительно указывается, что брачно-семейное законодательство РК основывается на принципах добровольности брачного союза между мужчиной и женщиной (пп. 1 п. 2 ст. 2), равенства прав супругов в семье (пп. 2 п. 2 ст. 2) и др.

Корреспондирующая норма, фиксирующая принцип добровольности при заключении брака, содержится в пп. 2 п. 1 ст. 25 КоБС РК, в соответствии с которым брак признается недействительным, если он был заключен по принуждению. При этом в пп. 2 ст. 26 КоБС в качестве субъекта права требования расторжения брака указывается супруг (а также прокурор), чьи права были нарушены в силу отсутствия добровольного согласия на заключение брака. В указанной норме также содержится перечень обстоятельств, которые непосредственно связаны с нарушением принципа добровольности (принуждение, обман, заблуждение, невозможность в силу своего состояния на момент регистрации брака понимать суть совершаемых действий и руководить ими). В данном случае, как совершенно справедливо указывают казахстанские исследователи, «отсутствие добровольного согласия одного из супругов на заключение брака является законодательной фиксацией порока воли и волеизъявления» [5; 167].

Материалы и методы исследования

Учитывая то обстоятельство, что исследуемые в настоящей статье аспекты практически не поднимались на страницах казахстанской научной печати, основным методом исследования стал метод объективации проблемы, существующей в рамках действующего отечественного брачно-семейного законодательства. Соответственно, приоритетным материалом исследования явились нормы отечественного и зарубежного брачно-семейного законодательства, а также отдельные дискуссионные публикации, имеющиеся к настоящему времени, по вопросам ненадлежащего обеспечения принципа добровольности в браке. В качестве дополнительного методологического инструментария, обеспечившего достоверность и обоснованность выводов, использовались также следующие методы: сравнительно-правовой метод (для выявления различных моделей правового регулирования и определения возможности эффективного заимствования); метод структурно-системного анализа (при постановке акцентов на противоречиях в системе семейно-брачного законодательства Республики Казахстан, а также иных законодательных актов); формально-логический метод (при выявлении логико-содержательного смысла законодательных предписаний), а также метод моделирования (при обосновании положительных последствий предлагаемых изменений).

Результаты

К настоящему времени точные законодательные предписания, в которых принцип добровольности достигает практически своего аутентичного значения, затрагивают только вопросы заключения брака. Вместе с тем добровольность следует рассматривать как «сквозной» принцип брачного союза на протяжении всего периода его существования, то есть фактически как «триаду» добровольности заключения брака, добровольности продолжения брачных отношений, а также добровольности их прекращения. Частным подтверждением этому является законодательное установление относительно того, что сроки исковой давности не распространяются на требования, вытекающие из семейно-брачных отношений, за исключением специально установленных случаев, в частности, в случаях раздела имущества после расторжения брака (п. 1 ст. 8 КоБС).

Одним из специфических вопросов оценки принципа добровольности в семейно-брачных отношениях являются ситуации, в которых супруг не может расторгнуть брак без согласия супруги в период ее беременности или в течение первого года жизни ребенка (п. 2 ст. 16 КоБС). Несмотря на явно выраженное стремление законодателя посредством данной императивной нормы обеспечить интере-

сы беременной женщины и родившегося ребенка, данная норма требует определенного анализа на предмет ее целесообразности. При этом в п. 4 Нормативного постановления Верховного Суда Республики Казахстан № 5 от 28 апреля 2000 г. (в действующей редакции) «О применении судами законодательства при рассмотрении судами дел о расторжении брака (супружества)» содержится дополнительное указание относительно того, что «указанное ограничение не относится к случаям, когда ребенок родился мертвым или не дожил до года. И в том, и в другом случае судья не вправе отказывать в приеме искового заявления» [6]. В данном случае следует отметить сравнительную «демократичность» казахстанской судебной практики по расторжению брака в описываемых ситуациях. Так, в частности, в п. Постановления Пленума Верховного Суда РФ №15 от 5 ноября 1998 г. (в действующей редакции) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» указывается, что запрет на расторжение брака распространяется и на случаи, когда ребенок родился мертвым или умер до достижения года [7].

Гендерные вопросы нередко становятся объектом пристального внимания в правовых исследованиях, в особенности в течение последних десятилетий. При этом иногда затруднительно однозначно ответить на вопрос: «Что именно имеет место в отдельных случаях — гендерная асимметрия или гендерная дискриминация?». Асимметричные аспекты правового регулирования, в целом, нередко имеют те или иные обоснования, поскольку отдельные состояния (в частности, беременность как состояние, обусловленное исключительной биосоциальной принадлежностью к женскому полу) не предполагают возможность полной гендерной симметрии. В этом смысле вопрос о гендерном равенстве мужчины и женщины с точки зрения семейно-брачных отношений возникает достаточно часто. Причем имеются как точки зрения, согласно которым наличие определенных предпочтений у одной стороны брака (как правило, у женщин по причине наличия детей) является обоснованным и желательным, так и противоположные позиции, аргументирующие необоснованную асимметрию (фактически дискриминацию) в отношении мужчин.

Наиболее часто возникают вопросы относительно паритетности в вопросах воспитания детей, их материальной поддержки в случае расторжения брака и т.д. Однако одним из наиболее критичных является ранее приведенное законодательное установление относительно невозможности мужчины расторгнуть брак с женщиной, находящейся в состоянии беременности, либо при наличии ребенка в возрасте до одного года. Во многих публикациях указывается, что данный запрет следует оценивать как стремление оградить женщину от чрезмерных переживаний по причине развода в случае наличия у нее состояния беременности или ребенка в возрасте до одного года. Вместе с тем отсутствие каких-либо дополнительных условий (ограничений, исключений) делает эту норму «несправедливой в отношении мужей» [8; 11]. При этом другие авторы указывают на то обстоятельство, что конкретная ситуация может быть весьма неоднозначной, по причине чего утверждать безусловную презумпцию аморальности мужа при расторжении брака с беременной женой либо при наличии ребенка в возрасте до одного года было бы неверным. Так, в частности, закон не предусматривает права мужа возражать против расторжения брака с беременной женщиной или при наличии ребенка до одного года (то есть для женщины в данной ситуации отсутствуют ограничения, в отличие от мужчины). В целом, подобные ситуации также нельзя исключать. Соответственно, если речь идет о защите прав будущего или родившегося ребенка, то подобная правовая асимметрия представляется спорной. Не исключены и такие ситуации, при которых муж не является биологическим отцом ребенка (мы в данном случае исключаем частные ситуации, связанные с использованием репродуктивных технологий), либо отцовство является оспариваемым. В данном случае фактически как КоБС, так и выше процитированное Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан не дают оснований для того, чтобы разрешить данную ситуацию, с точки зрения «здорового смысла» (в том числе, и с точки зрения защиты прав супруга). При этом Т.В. Шершень указывает, что случаи оспаривания отцовства в судебном порядке и даже наличие судебного решения, удовлетворившего иск об оспаривании отцовства, фактически никак не влияет на действие запрета относительно расторжения брака в подобных ситуациях [9; 30].

Возникает ситуация, при которой законодатель ставит позитивные цели (возможное сохранение семьи, защита прав нерожденного или родившегося ребенка) в приоритет над принципом добровольности при расторжении брака. Вместе с тем, как совершенно справедливо отмечают исследователи, запрет на расторжение брака в подобных ситуациях «серьезно ограничивает права мужа, однако не защищает женщину от конфликта и не способствует налаживанию отношений между супругами, если в семье произошел разлад» [10; 104].

Еще раз подчеркнем, что добровольность как принцип брачных отношений должна оцениваться в качестве «сквозного» принципа как при заключении брака, так и при его расторжении (в том числе и в одностороннем порядке), на что совершенно справедливо указывают исследователи [11; 150, 151]. В целом, вопросы расторжения брака относятся к одним из наиболее сложных и щепетильных в контексте нормативного регулирования. Однако можно с уверенностью утверждать, что чрезмерная лаконичность законодателя в целом ряде случаев является нежелательной. Как совершенно справедливо указывал более века назад известный юрист Г.Ф. Шершеневич, «трудность законодателя в деле развода заключается в определении тех условий, при которых становится невозможным общение и сожительство: оно может или настолько затруднить расторжение браков, что многие из них не будут соответствовать своей идее, или же, наоборот, настолько облегчит возможность развода, что каждая ссора станет поводом к разрыву...» [12]. Соответственно, основания для расторжения брака должны быть четкими, соответствующими логике оценки социально-правовой природы брачных отношений, а также имеющими равные правовые ориентиры для обоих супругов. Так, в частности, в контексте исследуемого законодательного запрета, на наш взгляд, явно требуется коррекция. Мы уже указали на такие вариации, как невозможность супруга возражать против расторжения брака в аналогичных обстоятельствах, наличие нравственной коллизии в случаях, когда супруг не является отцом ребенка, или его отцовство оспаривается. Кроме того, как указывают исследователи, существующая законодательная конструкция может привести к тому, что расторжение брака станет невозможным на протяжении достаточно длительного времени (в частности, в случае последующей беременности жены, причем независимо от того, кто является биологическим отцом ребенка) [13; 78].

При этом следует отметить, что в законодательстве стран ближнего зарубежья данный вопрос решается различным образом. Ранее мы уже отметили еще более выраженную консервативность российского законодателя в сравнении с казахстанским подходом к регламентации данного вопроса. В целом, в отдельных странах ближнего зарубежья имеются схожие варианты регулирования. Так, согласно ст. 34 Семейного кодекса Молдовы от 26 октября 2000 г., указано, что «муж не имеет права без согласия жены требовать расторжения брака во время ее беременности, а также на протяжении года после рождения ребенка, если ребенок родился живым и в течение этого года оставался жизнеспособным» [14]. Здесь наличествует схожесть с казахстанской моделью, при этом основным параметром сходства является логически следующая возможность жены расторгнуть брак при наличии данных обстоятельств, даже при возражении супруга. К более выгодному варианту решения следует отнести лишь детализацию обстоятельств (указание на то, что ребенок родился живым и оставался живым на протяжении всего года) непосредственно в Кодексе, а не в Акте официального судебного толкования, как в Республике Казахстан.

В практически аутентичном с казахстанской моделью варианте регламентирован вопрос в ст. 18 Семейного кодекса Кыргызской Республики от 30 августа 2003 г.: «Муж не имеет права без согласия жены возбуждать дело о расторжении брака во время беременности жены и в течение года после рождения их общего ребенка» [15].

Аналогичное предписание содержится в ст. 39 Семейного кодекса Республики Узбекистан [16], ст. 15 Семейного кодекса Азербайджана [17], ч. 2 ст. 1123 Гражданского кодекса Грузии [18], а также ч. 1 ст. 23 Семейного кодекса Туркменистана [19]. При этом в Семейном кодексе Туркменистана также содержится запрет на расторжение брака по заявлению опекуна недееспособного супруга в случаях, когда опекуном является один из супругов. Данное положение, безусловно, заслуживает внимания, однако не в контексте исследования принципа добровольности, поскольку недееспособность одного из супругов фактически исключает постановку вопроса о добровольности как факторе осознания и проявления своей воли вовне. В данном случае речь идет о гарантиях прав недееспособных лиц и нейтрализации рисков злоупотреблений другой стороны.

В ст. 17 Семейного кодекса Республики Таджикистан от 13 ноября 1998 г. имеет место некоторая вариативность анализируемого правила. В частности, согласно ч. 1 данной статьи, муж лишен права требовать расторжения брака во время беременности жены и до достижения ребенком 1,5 лет. Однако в ч. 2 указанной статьи содержится правило, согласно которому запрет не распространяется на мужа, «если в указанный срок он непосредственно занимался воспитанием ребенка, а супруга отказалась от воспитания ребенка или явилась инициатором расторжения брака» [20].

Часть 3 ст. 13 Семейного кодекса Армении от 9 ноября 2004 г. содержит более ограниченный запрет: «Муж без согласия жены не вправе подавать заявление о расторжении брака в период беременности жены» [21]. С одной стороны, данный вариант регламентации отчасти более либеральный, но

также не лишен диспаритета в реализации принципа добровольности в отношении супругов на сохранение брачных отношений.

В свою очередь, согласно ст. 35 КоБС Республики Беларусь от 9 июля 1999 г., данное обстоятельство имеет несколько иную направленность регулирования. С одной стороны, не допускается расторжение брака во время беременности жены и до достижения ребенком 3-х лет (то есть в течение еще более продолжительного периода времени, нежели в ранее рассмотренных законодательных моделях). С другой стороны, также включен ряд оговорок, которые существенно меняют смысл данной нормы. Во-первых, по смыслу анализируемой статьи, недопустимость расторжения брака устанавливается не только в отношении мужа, но и в отношении жены: на данное обстоятельство прямо указывает текстуальное оформление «без письменного согласия другого супруга на расторжение брака». Во-вторых, данный запрет имеет место только в том случае, когда супруг (то есть как муж, так и жена), от которого требуется письменное согласие, «проживает с ребенком и осуществляет заботу о нем». То есть фактически следует вывод, что отсутствие факта проживания с ребенком и осуществления заботы в отношении него исключает для любого из супругов возможность возражать против расторжения брака. Безусловно, в данном случае имеется неизбежная преференция жены, поскольку в подавляющем большинстве случаев дети в соответствующем возрасте находятся с матерью. Вместе с тем, такая конструкция позволяет и мужу, который непосредственно осуществляет заботу о ребенке в возрасте до 3-х лет, возражать против расторжения брака, инициированного супругой. Наконец, в-третьих, в анализируемой статье содержится указание на исключительные случаи, когда «отцовство по отношению к ребенку признано другим лицом или по решению суда сведения о муже как об отце ребенка исключены из записи Акта о рождении ребенка» [22]. Белорусский вариант регламентации исследуемого правового момента, на наш взгляд, является гораздо более благополучным, как минимум, по причине отсутствия явной гендерной асимметрии в принципе добровольности сохранения брачных отношений.

Еще гораздо более выраженной гендерной паритетностью в вопросах принципа добровольности сохранения брачных отношений обладают нормы КоБС Украины от 10 января 2002 г., несмотря на то, что в ст. 110 содержится запрет на расторжение брака во время беременности жены и до достижения ребенком одного года. Во-первых, как и в белорусской модели, отсутствует исключительное право кого-либо из супругов возражать против расторжения брака (запрет установлен в отношении обоих супругов). Во-вторых, обращает на себя внимание крайне интересная конструкция, связанная с возможностью расторжения брака при подобных условиях в тех ситуациях, когда «один из супругов совершил противоправное поведение, содержащее признаки уголовного преступления, в отношении другого из супругов или ребенка» [23]. Данное предписание заслуживает особого внимания, в силу чего будет упомянуто дополнительно. В-третьих, украинский законодатель учитывает ту нравственную коллизию, на которую мы уже ранее указывали, а именно отсутствие (или спорность) отцовства мужа по отношению к ребенку. Соответственно, в ч. 3 ст. 110 КоБС Украины устанавливается правило, согласно которому и муж, и жена могут инициировать расторжение брака в течение беременности жены, если отцовство признано другим лицом. В свою очередь, ч. 4 ст. 110 КоБС Украины, аналогично, содержит дозволение на расторжение брака до достижения ребенком одного года в случаях, когда «отцовство в отношении его признано другим лицом или по решению суда сведения о муже как отце ребенка исключены из актовой записи о рождении ребенка» [23].

Совершенно иной подход к учету исследуемого обстоятельства имеет семейное законодательство стран Балтии. Так, в Законе Эстонии «О семье» от 18 ноября 2009 г. не содержится каких-либо императивных норм в отношении запрета на расторжение брака в период беременности жены или недостижения ребенком определенного возраста (чаще всего одного года, исходя из ранее рассмотренных вариантов законодательных моделей). Здесь следует отметить, что эстонское законодательство в заметной степени восприняло европейскую модель расторжения брака, принятую во многих странах, в которых учитывается так называемый «период охлаждения». Так, в соответствии с ч. 2 ст. 67 Закона «О семье» Эстонии, «предполагается, что брачные отношения прекращены, если супруги живут раздельно не менее двух лет» [24]. Фактически данный вариант регламентации является гендерно нейтральной фиксацией полного паритета супругов с точки зрения их добровольного сохранения (или несохранения) брачных отношений.

Заслуживает внимания и латвийская модель регулирования соответствующего вопроса. Как и в Эстонии, в Латвии отсутствует специальное указание на запрет к инициированию расторжения брака в случае беременности жены или наличия ребенка в возрасте до 1 года. Вместе с тем п. 76 Граждан-

ского закона Латвийской Республики, действующего с 28 января 1937 г., предусмотрено правило, согласно которому «суд брак не расторгает, несмотря на то, что он распался, если и к тому же в порядке исключения сохранение брака необходимо по особым причинам в интересах общего несовершеннолетнего ребенка супругов» [25]. Это весьма специфическая норма, которая, на первый взгляд, существенно ограничивает принцип добровольности пребывания в брачных отношениях (поскольку факт распада брака является констатацией волевого решения супругов о невозможности его сохранения). Однако явно выраженная приоритетность интересов несовершеннолетних детей в данном случае нивелирует диспарат между супругами (то есть ущемление добровольности в данном случае имеет двусторонний характер). При этом в Латвии также действует правило «периода охлаждения», когда презумпция распада брака имеет место после 3-х лет раздельного проживания супругов (п. 70). Обращает на себя внимание то обстоятельство, что трехлетний «период охлаждения» является практически безусловным основанием для расторжения брака, однако он может быть расторгнут и до его истечения, в частности, при достижении согласия между супругами, а также в случае, когда один из них начал совместную жизнь с другим лицом, и у них родился ребенок или ожидается его рождение (пп. 2 и 3 п. 73 Закона). При этом пп. 1 п. 73 Гражданского закона Латвии предусматривает схожее обстоятельство для расторжения брака с тем, которое имеет место в Семейном кодексе Украины: «Причиной распада брака является физическое, сексуальное, психологическое или экономическое насилие супруга над супругом, требующим расторжения брака, или над его ребенком или общим ребенком супругов» [25]. Несмотря на различие формулировок (в украинском варианте речь идет о совершении преступления в отношении супруга или ребенка, а в латвийском — фактически о любых формах бытового насилия), в данном случае мы имеем дело с учетом равнозначного фактора.

В литовском варианте, которым мы фактически завершаем сравнительно-правовой анализ исследуемого аспекта, также отсутствует прямой запрет на расторжение брака при беременности жены или до достижения ребенком одного года (или другого возраста). При этом, как и в некоторых других, ранее рассмотренных законодательных моделях, имеется указание на расторжение брака по вине одного из супругов (ч. 2 ст. 3.49 ГК Литвы), к которой, в частности, относятся случаи, когда один из супругов был «осуждён за сознательное преступление или был неверным, или жестоко обращался с другим супругом или членами семьи, или оставил семью и более одного года совершенно не заботился о ней» [26]. Примечательно, что в процессе рассмотрения вопроса о расторжении брака суд может применить временные защитные меры, в частности, обязать одного из супругов жить отдельно (пп. 1 п. 2 ст. 3.65 ГК Литвы). При этом аналогично другим прибалтийским странам, в Литве действует правило «периода охлаждения», который в литовском варианте именуется «сепарацией» (ст. 3.55 ГК Литвы).

Таким образом, следует признать, что регулирование данного вопроса в различных странах является крайне вариативным. При этом мы исключаем из сравнительно-правового анализа вопросы регулирования исследуемого аспекта в странах дальнего зарубежья, поскольку при отсутствии единой традиции правового регулирования они представлены совершенно иными моделями. В частности, во многих европейских странах (Великобритания, Франция и другие) механизм расторжения брака крайне сложный и финансово затратный (за исключением случаев достижения соглашения между супругами). Однако в данном случае речь идет об иной «культуре брака», когда само отношение к вступлению в брак оценивается с точки зрения осознания всех обязательств, порождаемых брачными отношениями, а также сложностями при расторжении брака. По этой причине дефрагментация из общего массива правового регулирования только одного аспекта представляется методологически неверной. Кроме того, даже представленного результата сравнительно-правового анализа вполне достаточно для того, чтобы признать некоторую правовую «ущербность» абсолютного запрета на расторжение брака в период беременности жены и достижения ребенком одного года (или другого возраста, в зависимости от особенностей нормативного регулирования).

Обсуждение

Полагаем, что данный запрет на фоне привлечения внимания к проблемам семейно-бытового насилия является не только не в полной мере обоснованным, но даже потенциально вредным и опасным. Наличие у одного из супругов стойкого нежелания к продолжению брачных отношений даже при условии нахождения супруги в состоянии беременности или наличия ребенка в возрасте до одного года может стать фактором детерминации как деликтного, так и криминального поведения. Безусловно, не следует исключать из внимания психологические факторы, поскольку возникновение

кризисов в семейных парах, ожидающих ребенка или занимающихся уходом за только что родившимся ребенком, имеют определенные закономерности. Возможны ситуации, когда семейной паре требуется помощь психолога, медиатора, близких родственников и других специалистов для преодоления сложившейся ситуации. Вместе с тем, императивность запрета в целом ряде случаев может привести не столько к охране публичных интересов общества (сохранить семью и обеспечить воспитание ребенка в семье), сколько к нарастанию кризиса отношений, вплоть до нежелательных внешних проявлений пренебрежения и даже агрессии. Здесь нельзя, в частности, не учитывать то обстоятельство, что сама мотивация рождения ребенка может быть как со знаком «плюс», так и со знаком «минус». В частности, безусловно, положительной мотивацией к рождению ребенка является стремление реализовать себя в качестве матери или отца, укрепить отношения, дать им дальнейшее развитие, готовность нести ответственность за рожденного ребенка и т. д. [27; 113]. Однако мотивация может быть и неадекватной, причем ее вариации также могут быть представлены значительным спектром: наличие социальных ожиданий («в семье обязательно должен быть ребенок» и т.п.), стремление удержать возле себя партнера, наличие тех или иных материальных соображений (различные варианты социального иждивенчества и т.д.) [28; 28, 29].

Добровольность вступления в брак, пребывания в брачных отношениях и прекращения брачных отношений, таким образом, является своего рода гарантией для того, чтобы искусственное сохранение семьи (даже по позитивным мотивам) не нарушало саму сущность брака как, в первую очередь, духовного союза между мужчиной и женщиной. Соответственно, необходимы более гибкие механизмы для разрешения вопроса и в тех ситуациях, когда сохранение брака фактически невозможно, однако требуется обеспечение интересов беременной женщины и родителя, который непосредственно осуществляет уход за ребенком в возрасте до одного года (либо до более позднего периода). В данном случае возможны варианты законодательного решения: с сохранением запрета или с принципиальным отказом от него. В первом случае (при сохранении запрета) необходимо, во-первых, установить паритетность для обоих супругов (без явного приоритета прав жены); во-вторых, определить перечень обстоятельств, при которых действие запрета исключается (в частности, в случаях, когда отцовство по отношению к ребенку признано другим лицом, после удовлетворения судом иска об оспаривании отцовства; случаи, когда супруга не занимается непосредственным уходом за ребенком или отказалась от него и т.д.). Во втором варианте (полном отказе от соответствующего запрета) необходимо создать дополнительные механизмы защиты за счет включения имущественных обязательств для социально уязвимой стороны (для беременной женщины, а также для родителя, который непосредственно осуществляет уход за ребенком). При этом обращает на себя внимание текущее состояние регулирования алиментных обязательств, которые возникают между супругами, как во время брака, так и случае его расторжения. Так, ст. 147 КоБС РК «Обязанности супругов по взаимному содержанию», а также ст. 148 КоБС «Право бывшего супруга на получение алиментов после расторжения брака (супружества)» содержат идентичные предписания о наличии права на материальную поддержку в аналогичных ситуациях, среди которых и беременность супруги, а также период до достижения общим ребенком 3х-летнего возраста [4]. В рамках настоящей статьи мы оставим без внимания отсутствие гендерной симметрии в данной норме (фактически устанавливается только право женщины, но не предусматриваются случаи, когда ребенок до 3-х лет остается с отцом). В контексте исследуемого вопроса необходимо признать, что норма о запрете на расторжение брака в случае беременности супруги и до достижения ребенком одного года не создает более выраженных гарантий, нежели приведенные выше нормы (в частности, при ситуации, когда жена, находящаяся в состоянии беременности или осуществляющая уход за ребенком в возрасте до одного года, дает согласие на расторжение брака). При этом, учитывая ранее сформулированные замечания относительно того, что сохранение брака, помимо явно выраженного принципа добровольности на продолжение брачных отношений со стороны одного из супругов, может привести к крайне нежелательным поведенческим паттернам (вплоть до актов семейного насилия либо пренебрежения), наличие соответствующего запрета представляется еще более спорным. Таким образом, положение п. 2 ст. 16 КоБС РК требует серьезной ревизии и коррекции для соблюдения баланса частно-правовых (принципа добровольности) и публично-правовых (сохранение семьи и обеспечение воспитания ребенка в семье) интересов.

Наконец, для завершения исследования баланса частно-правовых и публично-правовых интересов в вопросах расторжения брака необходимо остановиться на случаях, когда расторжение брака осуществляется без согласия одного из супругов, но когда данный супруг допустил случаи противоправного поведения в отношении другого супруга или несовершеннолетних детей. Как показал срав-

нительно-правовой анализ, учет данного фактора имеет место в тех странах, в которых вопросы семейно-бытового насилия находятся в ракурсе внимания законодателя (Украина, страны Балтии). В этом смысле Казахстан, как одна из стран, поставившая вопросы профилактики семейно-бытового насилия на законодательный уровень, по нашему мнению, не использует до настоящего времени тотальный учет соответствующих инцидентов в нормах национального законодательства, в том числе и в нормах, касающихся расторжения брака. При этом в п. 4 ст. 1 Закона РК от 04 декабря 2009 г. «О профилактике бытового насилия» указывается, что под профилактикой бытового насилия понимается комплекс мер (правового, экономического, социального, организационного характера), направленных на предупреждение и пресечение бытового насилия, а также на выявление и устранение причин, ему способствующих [29]. Соответственно, полагаем, что ч. 2 ст. 17 КоБС РК, предусматривающая случаи расторжения брака по заявлению одного из супругов (независимо от наличия несовершеннолетних детей), должна содержать, в том числе и указание на случаи совершения другим супругом актов семейно-бытового насилия, а также уголовного правонарушения, связанного с посягательством на жизнь и здоровье другого супруга или несовершеннолетних детей. В данном случае фактически будет достигнута реализация двух значимых аспектов. Во-первых, данное обстоятельство позволит супругу, подвергнутому акту насилия, существенно облегчить процедуру расторжения брака, что избавит его от пролонгации рисков и в дальнейшем подвергаться новым насильственным инцидентам. Во-вторых, это станет дополнительной гарантией принципа добровольности брачных отношений, поскольку в случаях домашнего насилия данный принцип неизбежно подвергается недопустимой деформации. Безусловно, не исключены случаи, когда подвергающийся насилию супруг не выразит желание к расторжению брака по различным причинам, преимущественно находящимся в сфере психологических проблем. Однако при наличии соответствующего желания закон должен предоставлять уязвимому супругу необходимые механизмы для более беспрепятственного разрешения ситуации.

Выводы

Таким образом, действующее брачно-семейное законодательство содержит ряд небезупречных законодательных решений, а также пробелов в регулировании вопросов обеспечения принципа добровольности брачных отношений на протяжении всего периода брака (начиная с заключения и заканчивая расторжением брака).

В целях обеспечения гендерной паритетности супругов при расторжении брака в случаях беременности супруги и в течение первого года жизни ребенка п. 2 ст. 16 КоБС РК целесообразно изложить в следующей редакции:

«Расторжение брака (супружества) невозможно без согласия обоих супругов в период беременности супруги и в течение первого года жизни ребенка в случаях, когда суд придет к выводу о возможности сохранения брака, с применением примирительных процедур, предусмотренных настоящим законом, а также иными законодательными актами Республики Казахстан [здесь, в частности, предполагается законодательство о медиации].

Данное положение не распространяется на случаи, когда:

- 1) суд придет к выводу о невозможности сохранения брачных отношений по причине фактического распада брака;
- 2) ребенок родился мертвым или умер до достижения одного года;
- 3) супруг (супруга), возражающий против расторжения брака, фактически не проживает с ребенком и (или) не осуществляет заботу о нем;
- 4) отцовство по отношению к ребенку признано другим лицом или по решению суда сведения о муже как об отце ребенка исключены из записи акта о рождении ребенка».

Предлагаемая формулировка позволит, во-первых, повысить инициативность суда; во-вторых, преодолеть гендерную дискриминацию в отношении супругов, имеющую место в действующей редакции; в-третьих, исключит нравственные коллизии, при которых брак сохраняется в случаях, когда супруг не является биологическим отцом ребенка.

Пункт 2 ст. 17 КоБС РК, предусматривающий случаи одностороннего расторжения брака даже при наличии несовершеннолетних детей, должен быть дополнен новым обстоятельством: «Совершил акты бытового насилия либо уголовное правонарушение, посягающее на жизнь и здоровье другого супруга или несовершеннолетних детей».

Данное нововведение позволит в полной мере учесть вектор государственной политики на противодействие семейно-бытовому насилию за счет закрепления за уязвимым супругом права на одно-

стороннее расторжение брака в случае различных форм насильственных инцидентов со стороны другого супруга.

Список литературы

- 1 О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния. Декрет ЦИК и СНК РСФСР от 18 декабря 1917 г. // СУ РСФСР. — 1917. — № 11. — Ст. 160.
- 2 О расторжении брака. Декрет ЦИК и СНК РСФСР от 19 декабря 1917 г. // СУ РСФСР. — 1917. — № 10. — Ст. 152.
- 3 Конституция Республики Казахстан. Принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 г. (в действ. ред.) // Ведомости Парламента Республики Казахстан. — 1996. — № 4. — Ст. 217.
- 4 О браке (супружестве) и семье: Кодекс Республики Казахстан от 26 декабря 2011 г. № 518-IV (в действ. ред.) // Ведомости Парламента Республики Казахстан. — 2011. — № 22. — Ст. 174.
- 5 Абраменко О.Ю. Недействительный брак: понятие, особенности, процедуры / О.Ю. Абраменко // Научные исследования и разработки молодых ученых. — 2014. — № 1. — С. 162–172.
- 6 О применении судами законодательства при рассмотрении судами дел о расторжении брака (супружества): Нормативное постановление Верховного Суда РК от 28 апреля 2000 г. № 5 (в действ. ред.) // Юридическая газета. — 2000. — № 22.
- 7 О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 г. № 15 (в действ. ред.). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20961/.
- 8 Караманукян Д.Т. Законодательные предпосылки гендерной дискриминации в Российской Федерации / Д.Т. Караманукян // Вестн. Омск. юрид. акад. — 2019. — Т. 16. № 1. — С. 6–12.
- 9 Шершень Т.В. Принцип равенства прав супругов: генезис и некоторые проблемы его реализации в современном семейном праве России / Т.В. Шершень // Российская юстиция — 2010. — № 7. — С. 28–31.
- 10 Хазова О.А. Семейное законодательство: проблемы гендерного равенства / О.А. Хазова // Гендерная экспертиза российского законодательства / отв. ред. Л.Н. Завадская. — М.: БЕК, 2001. — 272 с.
- 11 Тверитинова О.Г. Институт расторжения брака как инструмент укрепления семьи / О.Г. Тверитинова // Общество и право. — 2021. — № 2 (76). — С. 150–154.
- 12 Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права / Г.Ф. Шершеневич. — М., 2005. — Т. 2. — [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://library.brstu.ru/static/bd/klassika_ros_civilizac/Elib/1541.html
- 13 Щелкин П.А. Нарушение конституционных свобод и девальвация семейных ценностей как следствие правового запрета на свободное расторжение брака (ст. 17 СК РФ) / П.А. Щелкин // Образование и право. — 2022. — № 3. — С. 77–82.
- 14 Семейный кодекс Республики Молдова от 26 октября 2000 г. № 1316-XIV (в действ. ред.). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30398164&pos=44;-31#pos=44;-31.
- 15 Семейный кодекс Кыргызской Республики от 30 августа 2003 г. № 201 (в действ. ред.). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30286698#pos=6;-106.33332824707031.
- 16 Семейный кодекс Республики Узбекистан от 30 апреля 1998 г. № 698-I (в действ. ред.). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421452&pos=4;-106#pos=4;-106&sel_link=1001070380.
- 17 Семейный кодекс Азербайджанской Республики от 28 декабря 1999 г. № 781-IQ (в действ. ред.). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420386.
- 18 Гражданский кодекс Грузии от 26 июня 1997 г. № 786 (в действ. ред.). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/31702?publication=120>.
- 19 Семейный кодекс Туркменистана от 10 января 2012 г. № 258-IV (в действ. ред.). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31343599#pos=6;-106.33332824707031.
- 20 Семейный кодекс Республики Таджикистан от 13 ноября 1998 г. № 682 (в действ. ред.). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30445181.
- 21 Семейный кодекс Республики Армения от 8 декабря 2004 г. № ЗР-123 (в действ. ред.). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=8661.
- 22 О браке и семье: Кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 278-3 (в действ. ред.). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414964&pos=5;-106#pos=5;-106&sel_link=1001084578.
- 23 Семейный кодекс Украины от 10 января 2002 г. № 2947-III (в действ. ред.). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30418309.
- 24 О семье: Закон Эстонии от 18 ноября 2009 г. (в действ. ред.). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.juristaitab.ee/sites/www.juristaitab.ee/files/elfinder/ru-seadused_01.03.2018.pdf.
- 25 Гражданский закон Латвийской Республики от 28 января 1937 г. (в действ. ред.). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.inlatplus.lv/wp-content/uploads/2019/11/.pdf>.
- 26 Civil Code of the Republic of Lithuania от 18 июля 2000 г. № 1864-VIII (в действ. ред.). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.245495>.

27 Котельникова Ю.С. Психологическая характеристика нормативных кризисов супружеских отношений в молодой семье / Ю.С. Котельникова // Наука и образование сегодня. — 2018. — № 5 (28). — С. 112–116.

28 Захарова Г.И. Психология семейных отношений: учеб. пос. / Г.И. Захарова. — Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2009. — 63 с.

29 О профилактике бытового насилия: Закон Республики Казахстан от 4 декабря 2009 г. № 214–IV (в действ. ред.) // Казахстанская правда. — 2009. — № 293 (26037).

Т.Б. Жунусова

Қазақстан Республикасындағы еріктілік неке қатынастарының «өтпелі» қағидаты ретінде (кейбір жеке-құқықтық және жария-құқықтық аспектілер)

Мақалада Қазақстандағы неке еріктілігі қағидатын заңнамалық қамтамасыз етудің жекелеген даулы аспектілері теориялық талдаудан өткен, ол қажетті «үштікте» зерттелген: неке киюдың еріктілігі, неке болудың еріктілігі және неке қатынастарын тоқтатудың еріктілігі. Заң шығарушының еріктілікке тек неке қағидаты ретінде баса назар аударуы оның осы «үштіктің» басқа екеуінің пайда болуында айтарлықтай теңестірілуіне әкеледі. Автор Қазақстан Республикасы Неке-отбасы заңнамасының нормативтік ережелеріне, ұлттық заңнаманың басқа да нормативтік-құқықтық актілеріне, сондай-ақ таяу шет елдердегі жекелеген жеке мәселелерді нормативтік реттеуді салыстырмалы-құқықтық зерттеуге талдау жүргізген, соның негізінде отандық неке-отбасы заңнамасының нормаларындағы еріктілік қағидатының кейбір заң бұзушылықтарын мысалдармен дәлелдеген. Сонымен қатар, қазіргі уақытта объективті әлеуметтік-құқықтық негіздемесі жоқ айқын гендерлік асимметриясы бар нормалардың болуына отандық заңнаманың жалғасып жатқан үрдістері анықталды. Қазақстан Республикасындағы неке қатынастарының қағидаттарын қамтамасыз етуге ықпал етпейтін, некені бұзу мәселелері бойынша қалған заңнамалық тыйымдардың шиеленісінің әлеуеті дәлелденіп, оны айтарлықтай азайту мақсатында заңнамалық нұсқауларды түзету нұсқалары ұсынылған.

Кілт сөздер: неке қатынастары, еріктілік, гендерлік асимметрия, гендерлік кемсітушілік, некені бұзуға тыйым салу, отбасылық-неке заңнамасының шиеленісуі.

T.B. Zhunusova

Voluntariness as a “cross-cutting” principle of marriage relations in the Republic of Kazakhstan (some private-legal and public-legal aspects)

The article presents a theoretical analysis of some controversial aspects of the legislative provision of the principle of voluntary marriage in Kazakhstan, which is investigated in the necessary “triad”: voluntary marriage, voluntary stay in marriage and voluntary termination of marital relations. The legislator's explicit emphasis on voluntariness, exclusively, as a principle of marriage leads to the fact that it is significantly leveled in the other two manifestations of this “triad”. The author analyzes the normative provisions of the marriage and family legislation of the Republic of Kazakhstan, other normative legal acts of national legislation, as well as a comparative legal study of the regulatory regulation of certain private issues in neighboring countries, on the basis of which some violations of the principle of voluntariness in the norms of domestic marriage and family legislation are illustrated. At the same time, the continuing trends of domestic legislation towards the presence of norms with pronounced gender asymmetry, which currently has no objective socio-legal justification, are revealed. The conflict-causing potential of the remaining legislative prohibitions in matters of divorce, which do not contribute to ensuring the principles of marriage relations in the Republic of Kazakhstan, is argued, and options for correcting legislative prescriptions are proposed in order to significantly reduce it.

Keywords: marital relations, voluntariness, gender asymmetry, gender discrimination, prohibition of divorce, conflictogenicity of family and marriage legislation.

References

- 1 O grazhdanskom brake, o detiakh i o vedenii knig aktov sostoiainia. Dekret TSIK i SNK RSFSR ot 18 dekabria 1917 goda [About civil marriage, about children and about keeping books of state certificates. Decree of the Central Executive Committee and the SNK of the RSFSR of December 18, 1917]. *SU RSFSR, 11* [in Russian].
- 2 O rastorzhenii braka. Dekret TSIK i SNK RSFSR ot 19 dekabria 1917 goda [About the dissolution of marriage. Decree of the Central Executive Committee and the SNK of the RSFSR of December 19, 1917]. *SU RSFSR, 10* [in Russian].
- 3 Konstitutsiia Respubliki Kazakhstan. Priniata na respublikanskom referendume 30 avgusta 1995 goda (v deistvuiushchei redaktsii) [Constitution of the Republic of Kazakhstan. Adopted at the republican referendum on August 30, 1995 (in the current version)]. *Vedomosti Parlamenta Respubliki Kazahstan — Statements of the Parliament of the Republic of Kazakhstan, 4*, 217 [in Russian].
- 4 O brake (supruzhestve) i seme: Kodeks Respubliki Kazakhstan ot 26 dekabria 2011 goda N 518–IV (v deistvuiushchei redaktsii) [About marriage (matrimony) and family. Code of the Republic of Kazakhstan No. 518-IV dated December 26, 2011 (as amended)]. *Vedomosti Parlamenta Respubliki Kazahstan — Statements of the Parliament of the Republic of Kazakhstan, 22* [in Russian].
- 5 Abramenko, O.Yu. (2014). Nedeistvitelnyi brak: poniatie, osobennosti, protsedury [Invalid marriage: concept, features, procedures]. *Nauchnye issledovaniia i razrabotki molodykh uchenykh — Research and development of young scientists, 1*, 162–172 [in Russian].
- 6 O primeneniі sudami zakonodatelstva pri rassmotrenii sudami del o rastorzhenii braka (supruzhestva): Normativnoe postanovlenie Verkhovnogo Suda RK ot 28 apreliia 2000 goda N 5 (v deistvuiushchei redaktsii) [On the application of legislation by courts when considering cases of dissolution of marriage (matrimony) by courts: Regulatory Resolution of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan dated April 28, 2000 No. 5 (as amended)]. *Yuridicheskaia gazeta — Legal newspaper, 22* [in Russian].
- 7 O primeneniі sudami zakonodatelstva pri rassmotrenii del o rastorzhenii braka: Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 5 noiabria 1998 goda N 15 (v deistvuiushchei redaktsii) [On the application of legislation by courts when considering cases of divorce: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 15 of November 5, 1998 (as amended)]. Retrieved from https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20961/ [in Russian].
- 8 Karamanukjan, D.T. (2019). Zakonodatelnye predposylki gendernoi diskriminatsii v Rossiiskoi Federatsii [Legislative prerequisites for gender discrimination in the Russian Federation]. *Vestnik Omskoi yuridicheskoi akademii — Bulletin of the Omsk Law Academy, 1*, 6–12 [in Russian].
- 9 Shershen, T.V. (2010). Printsip ravenstva prav suprugov: genezis i nekotorye problemy ego realizatsii v sovremennom semeinom prave Rossii [The principle of equal rights of spouses: the genesis and some problems of its implementation in modern family law in Russia]. *Rossiiskaia yustitsiia — Russian justice, 7*, 28–31 [in Russian].
- 10 Khazova, O.A. (2001). Semeinoe zakonodatelstvo: problemy gendernogo ravenstva [Family legislation: problems of gender equality]. *Gendernaia ekspertiza rossiiskogo zakonodatelstva. L.N. Zavadskaya (Ed.). Moscow: BEK* [in Russian].
- 11 Tveritina, O.G. (2021). Institut rastorzheniia braka kak instrument ukrepleniia semi [The institution of divorce as a tool for strengthening the family]. *Obshchestvo i pravo — Society and law, 2* (76), 150–154 [in Russian].
- 12 Shershenevich, G.F. (2005). Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava [Textbook of Russian Civil Law]. Moscow. Retrieved from https://library.brstu.ru/static/bd/klassika_ros_civilizac/Elib/1541.html [in Russian].
- 13 Shchelkin, P.A. (2022). Narushenie konstitutsionnykh svobod i devalvatsiia semeinykh tsennostei kak sledstvie pravovogo zapreta na svobodnoe rastorzhenie braka (st. 17 SK RF) [Violation of constitutional freedoms and devaluation of family values as a consequence of the legal prohibition on the free dissolution of marriage (Article 17 of the RF IC)]. *Obrazovanie i pravo — Education and Law, 3*, 77–82 [in Russian].
- 14 Semeinyi kodeks Respubliki Moldova ot 26 oktiabria 2000 goda N 1316–XIV (v deistvuiushchei redaktsii) [Family Code of the Republic of Moldova No. 1316-XIV dated October 26, 2000 (in the current version)]. Retrieved from https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30398164&pos=44;-31#pos=44;-31 [in Russian].
- 15 Semeinyi kodeks Kyrgyzskoi Respubliki ot 30 avgusta 2003 goda N 201 (v deistvuiushchei redaktsii) [Family Code of the Kyrgyz Republic No. 201 dated August 30, 2003 (as amended)]. Retrieved from https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30286698#pos=6;-106.33332824707031 [in Russian].
- 16 Semeinyi kodeks Respubliki Uzbekistan ot 30 apreliia 1998 goda N 698–I (v deistvuiushchei redaktsii) [Family Code of the Republic of Uzbekistan No. 698-I dated April 30, 1998 (as amended)]. Retrieved from https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421452&pos=4;-106#pos=4;-106&sel_link=1001070380 [in Russian].
- 17 Semeinyi kodeks Azerbaidzhanskoi Respubliki ot 28 dekabria 1999 goda N 781–IQ (v deistvuiushchei redaktsii) [Family Code of the Republic of Azerbaijan No. 781-IQ dated December 28, 1999 (as amended)]. Retrieved from https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420386 [in Russian].
- 18 Grazhdanskii kodeks Gruzii ot 26 iunia 1997 goda N 786 (v deistvuiushchei redaktsii) [Civil Code of Georgia No. 786 of June 26, 1997 (as amended)]. Retrieved from <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/31702?publication=120> [in Russian].
- 19 Semeinyi kodeks Turkmenistana ot 10 yanvaria 2012 goda N 258–IV (v deistvuiushchei redaktsii) [Family Code of Turkmenistan No. 258-IV dated January 10, 2012 (as amended)]. Retrieved from https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31343599#pos=6;-106.33332824707031 [in Russian].

20 Semeinyi kodeks Respubliki Tadjhikistan ot 13 noiabria 1998 goda N 682 (v deistvuiushchei redaktsii) [Family Code of the Republic of Tajikistan No. 682 dated November 13, 1998 (as amended)]. Retrieved from https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30445181 [in Russian].

21 Semeinyi kodeks Respubliki Armeniia ot 8 dekabria 2004 goda N ZR-123 (v deistvuiushchei redaktsii) [Family Code of the Republic of Armenia No. ZR-123 dated December 8, 2004 (as amended)]. Retrieved from https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=8661 [in Russian].

22 O brake i seme: Kodeks Respubliki Belarus ot 9 iiulia 1999 goda N 278-Z (v deistvuiushchei redaktsii) [On Marriage and Family: Code of the Republic of Belarus No. 278-Z of July 9, 1999 (as amended)]. Retrieved from https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414964&pos=5;-106#pos=5;-106&sel_link=1001084578 [in Russian].

23 Semeinyi kodeks Ukrainy ot 10 yanvaria 2002 goda N 2947-III (v deistvuiushchei redaktsii) [Family Code of Ukraine N 2947-III of January 10, 2002 (as amended)]. Retrieved from https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30418309 [in Russian].

24 O seme: Zakon Estonii ot 18 noiabria 2009 goda (v deistvuiushchei redaktsii) [On the family: The Estonian Law of November 18, 2009 (as amended)]. Retrieved from https://www.juristaitab.ee/sites/www.juristaitab.ee/files/elfinder/ru-seadused_01.03.2018.pdf [in Russian].

25 Grazhdanskii zakon Latviiskoi Respubliki ot 28 yanvaria 1937 goda (v deistvuiushchei redaktsii) [Civil Law of the Republic of Latvia of January 28, 1937 (as amended)]. Retrieved from <https://www.inlatplus.lv/wp-content/uploads/2019/11/.pdf> [in Russian].

26 Civil Code of the Republic of Lithuania ot 18 iiulia 2000 goda N 1864-VIII (v deistvuiushchei redaktsii) [Civil Code of the Republic of Lithuania No. 1864-VIII of July 18, 2000 (as amended)]. Retrieved from <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/lt/TAD/TAIS.245495> [in Russian].

27 Kotelnikova, Yu.S. (2018). Psikhologicheskaia kharakteristika normativnykh krizisov supruzheskikh otnoshenii v molodoi seme [Psychological characteristics of normative crises of marital relations in a young family]. *Nauka i obrazovanie segodnia — Science and Education Today*, 5 (28), 112–116 [in Russian].

28 Zakharova, G.I. (2009). Psikhologiiia semeinykh otnoshenii: uchebnoe posobie [Psychology of family relations]. Cheliabinsk: Izdatelstvo Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta [in Russian].

29 O profilaktike bytovogo nasiliia: Zakon Respubliki Kazakhstan ot 4 dekabria 2009 goda N 214-IV (v deistvuiushchei redaktsii) [On the prevention of domestic violence: Law of the Republic of Kazakhstan dated December 4, 2009 No. 214-IV (as amended)]. *Kazakhstanskaia pravda — Kazakhstan truth*, 293 (26037) [in Russian].